

Агент Золя.

Солдат пяти армий, узник пяти режимов — советский военный разведчик Вольдемар Озолс

Андрей Ганин

Не секрет, что в годы Второй мировой войны авторитет Советского Союза на международной арене стремительно вырос. Популярность СССР и антифашистских идей была такова, что Советам стремились помогать самые разные люди, даже те, кому с коммунистами прежде было не всегда по пути. Одним из добровольных сотрудников советской военной разведки стал человек поразительной судьбы — Вольдемар Оскар Ансович Озолс (Озол).

Его жизненный путь нельзя назвать совершенно неизвестным. Озолсу посвящены статьи разной степени фундированности и достоверности на русском и латышском языках, монография и даже два романа на латышском языке. Но составление полной биографии этого удивительного и крайне противоречивого человека остается задачей на будущее. Обусловлено это целым рядом препятствий на пути биографа, преодолеть которые невозможно или крайне затруднительно. Часть документов о жизни и деятельности Озолса в 1930–1940-х гг. засекречена и, видимо, станет доступна исследователям еще нескоро (достаточно отметить, что существует дневник офицера, местонахождение которого пока установить не удалось). Другие материалы остаются труднодоступными по иной причине. Озолс оставил след в истории многих стран — России, Латвии, Литвы, Эстонии, Армении, поэтому для полноценного изучения его биографии необходимо знание нескольких национальных языков и работа в архивах этих стран. Неудивительно, что в России о нем известно немного.

Яркая и неоднозначная фигура Озолса выделяется на фоне других русских офицеров-генштабистов. Изучение его деятельности способно пролить свет на многие события и процессы мировой истории первой половины XX в. Среди них: Первая мировая война, революционные процессы в русской армии, создание армянских и латышских национальных формирований в годы Первой мировой, Гражданская

война в России, события в Прибалтике в 1918–1920 гг., внутривойсковая жизнь Латвии в 1920–1930-е гг., Гражданская война в Испании, Вторая мировая война и противоборство спецслужб. И это лишь краткий перечень.

Автором этих строк предпринята попытка собрать об Озолсе документы в архивах тех государств, где он оставил след (Россия, Латвия, Литва, Эстония). В ходе работы мне довелось познакомиться и проинтервьюировать падчерицу офицера Катерину Эрдмане, которая проживает в Риге. Она же любезно предоставила возможность ознакомиться с документами семейного архива. Предлагаемая вниманию читателей статья представляет краткий очерк жизни и деятельности этого неординарного человека.

Революционер и герой

По-латышски «озолс» означает дуб, что даже становилось поводом для сатирических шаржей в адрес нашего героя. В русских документах его именовали Владимир Антонович Озол.

Родился он 5 октября 1884 г. в Витебской губернии в бедной латышской крестьянской семье. По вероисповеданию был лютеранином. С ранних лет подрабатывал, помогая родителям сводить концы с концами, — работал пастухом, таскал кирпичи на стройке, трудился подсобным рабочим в чугунолитейном цеху. В советской автобиографии, написанной 25 марта 1949 г., за несколько месяцев до смерти, Озолс вспоминал:

«Мой отец был токарем, мать — безземельная. Оба из Видземы, один — из Пиебалги, другой — из Дзербене. Вернувшись с русско-турецкой войны в 1882 году¹, отец женился и, не найдя работу в Латвии, эмигрировал в Белоруссию, где я и родился 17 октября² 1884 года в латышской колонии в Выдрее, недалеко от Витебска. Первые семь лет моего детства прошли в белорусском селе. В 1891 году семья, гонимая нищетой, переезжает в Москву. Отец работает в “Мануфактуре Эмиля Цинделя”.

Затем мы переехали в Гжатский округ, где отец мастерит прялки, а я хожу в пастухах у одного хозяина-латыша. Говорю на латышском, русском, белорусском языках. Чтобы обеспечить детям образование, родители решают вернуться в Латвию»³.

В 1895 г. семья переехала в Ригу. Как вспоминал Озолс, «весной 1895 года отец с караваном плотов по рекам Обше, Меже и Даугаве направляется в Ригу. Осенью уже вся семья в Риге. Отец работает на Русско-Балтийском вагонном заводе. Я зимой учусь в школе, а летом участвую в строительстве домов в Риге как подносчик кирпичей. Позднее работаю подсобником в чугунолитейном цехе»⁴.

Вольдемар получил образование в Рижском 4-классном городском училище. Озолса увлекли просветительские и революционные идеи: он состоял в спортивно-просветительском клубе, участвовал в молодежном движении «Утренняя звезда» и тайно вступил в Латышскую социал-демократическую рабочую партию. Сторонником таких же взглядов был и его младший брат Петер, арестованный в 1906 г. за революционную деятельность, а позднее ставший офицером и впоследствии умерший в ГУЛАГе⁵.

О своих революционных увлечениях в Риге Озолс впоследствии написал: «Промышленный город, культурная жизнь и революционное движение берут меня в свою власть. Мы, одногодки, создаем клуб спорта и просвещения, который входил в состав движения латышской молодежи “Аусеклис”. У нас есть свой оркестр, свой хор. У нас есть литературное объединение, и мы издаем журнал “Друва” (Нива). Ученые читают рефераты и лекции по астрономии, естествознанию и социологии. Выступают писатели и поэты: Аспазия, Деглавс, Зелтматис, Янис Асарс и другие. Особенно нас увлекают Райнис и созданная им Социал-демократическая рабочая партия, Райниса ссылают. Главным в партии становится известный теоретик марксизма и оратор Янис Озолс

(Зарс, Фелдманис). Позднее его выбирают депутатом II Государственной думы, сейчас, насколько мне известно, он проживает в США. Проходят лесные собрания. Борьба с жандармерией и полицией»⁶.

Озолс отмечал, что окончил училище в 1902 г., после чего служил на железнодорожной станции «Александровские ворота» в Риге. Сдав экзамены, получил возможность занять должность помощника начальника станции⁷.

В августе 1904 г. Озолс на правах вольноопределяющегося 2-го разряда поступил на военную службу и был зачислен в Виленское пехотное юнкерское училище. По всей видимости, как и многих выходцев из народа, Озолса привлекало казенное образование и возможность вырваться из нищеты, повысив свой социальный статус. Брату и сестре Вольдемар тогда помогал материально.

В канун первой русской революции революционная волна захлестнула его и потащила за собой. Позднее в автобиографии Озолс написал: «Во мне и моих единомышленниках родилось убеждение, что для победы революции необходимо овладеть военным искусством»⁸. Сложно сказать, считал ли он так в юности или уже в зрелом возрасте выдавал желаемое за действительное. В училище Озолс, по его позднейшему заявлению, создал революционную подпольную организацию, имевшую контакты с революционерами в Риге и Санкт-Петербурге⁹. По другим данным, Вольдемар вступил в подпольный революционный кружок, связанный с виленским комитетом РСДРП и Социал-демократической партией Литвы. В работе кружка участвовали в основном юнкера прибалтийского и польского происхождения. В отпуску Озолс ездил в Ригу, где читал подпольщикам лекции по тактике уличного боя и применению артиллерии¹⁰. С весны 1907 г. члены кружка даже выпускали нелегальный рукописный журнал под редакцией юнкера Я. Рейнголдса. В 1907 г. при уборке помещений училища нашелся тюк с нелегальной литературой на латышском и русском языках. Рейнголдс и еще один юнкер взяли всю вину на себя. Был аре-

В. Озолс в Виленском пехотном юнкерском училище. 1905 г. Latvijas Kara muzejs — Латвийский военный музей, Рига ★

В. Озолс при выпуске из академии в 1914 г. Архив Юрия Строева (Москва) ★

в 8-й гренадерский Московский Великого Герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха полк.

Служба проходила в Твери и в Ходынском лагере под Москвой. С 1 ноября 1910 г. он уже поручик. Тяга к знаниям не отпускала, и молодой офицер со второй попытки преодолел два этапа сложнейших экзаменов в Императорскую Николаевскую военную академию — настоящую кузницу кадров военной элиты Российской империи. В академию Озолс поступил в 1911 г. и блестяще окончил в ее последний предвоенный выпуск в мае 1914 г., причем за успехи в науках был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени¹². После академии он попал в штаб Кавказского военного округа, что предопределило его службу на Кавказе на начальном этапе Первой мировой войны.

стован помимо них и командир отделения. В апреле 1908 г. состоялся суд, приговоривший всех троих к пожизненному поселению в Сибири. Будущий генерал Я. Балодис со ссылкой на адвоката фигурантов обвинял в таком исходе Озолса¹¹. Последнего, очевидно, так и не разоблачили, хотя и считали в училище красным. Иначе чем объяснить то, что в августе 1907 г. он окончил училище по 1-му разряду, при выпуске высочайшим приказом был произведен в подпоручики и отправился на службу

Знак 8-го гренадерского Московского великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха полка и знак выпускника Николаевской военной академии, принадлежавшие В. Озолсу. Latvijas Kara muzejs — Латвийский военный музей, Рига

В. Озолс на Кавказском фронте. 1915 г.
Latvijas Kara muzejs — Латвийский военный музей, Рига

По данным на январь 1911 г., Озолс был женат на дочери коллежского секретаря Екатерине Алексеевне Молдинской¹³.

Затем было боевое крещение Первой мировой. Озолс, прибывший в штаб округа для занятий в мобилизационном отделении, в августе 1914 г. получил назначение на должность переводчика разведывательного отделения штаба Кавказской армии. 25 октября 1914 г. последовало назначение и. д. старшего адъютанта штаба IV Кавказского армейского корпуса.

С ноября 1914 по апрель 1915 г. он принимал участие в создании армянских добровольческих дружин в Закавказье. При деятельном участии Озолса весной 1915 г. удалось освободить древнюю столицу Армении Ван, осажденную турками, и спасти местное армянское население от резни. Как отмечал участник событий Т. Девоянц, Озолс «очень доброжелательно относился к армянам, и оказывал значимую помощь, как армянским добровольцам, так и беженцам... был переведен на Восточный фронт, так как в Ване он имел смелость предложить тот выпить за «свободолюбивый армянский народ и независимую Армению»¹⁴. Впрочем, возможно, это только легенда.

18 марта (по другим документам, 22-го) 1915 г. штабс-капитан Озолс был переведен в Генеральный штаб, позднее по собственному желанию вернулся в строй, а в 1917 г. вновь попал в Генштаб¹⁵. 24 мая 1915 г. Озолс получил назначение и. д. старшего адъютанта штаба 4-й Туркестанской стрелковой бригады, прибыв к месту службы через месяц — 22 июня. Участвовал в боях на Хортском перевале. 23 октября последовало назначение на ту же должность в штаб 55-й пехотной дивизии. К исполнению обязанностей Озолс приступил 18 ноября.

Подстанник, подаренный В. Озолсу офицерами 3-й Эриванской пограничной сотни 1 января 1915 г. Latvijas Kara muzejs — Латвийский военный музей, Рига

В минуты отдыха. Latvijas Kara muzejs — Латвийский военный музей, Рига ★

В январе 1916 г. Озолс «национализировался», стал латышским стрелком и перешел на службу в 5-й Земгальский латышский стрелковый полк, откуда уже в феврале перевелся в 8-й Вольмарский латышский стрелковый полк. На новом месте службы Озолс командовал ротой, а уже в сентябре получил назначение вр. и. д. начальника штаба 2-й Латышской стрелковой бригады, причем совмещал ее с исполнением обязанностей старшего адъютанта штаба бригады.

В рядах стрелков он прослужил до самой революции и сдружился с будущим советским главкомом И.И. Вацетисом. Последний спустя много лет тепло отзывался об Озолсе, который «оказался очень толковым ротным командиром. Для него двери в мой кабинет и в мою квартиру были всегда открыты. Мы скоро с ним подружились и говорили между собою о таких вещах, о которых говорят между собою только люди, давно и хорошо знающие друг друга... В капитане Озоле я видел талантливого, но гонимую личность, и это последнее обстоятельство располагало меня к нему»¹⁶. К сожалению, о причинах такого имид-

Латышские стрелки. На снимке В. Озолс (стоит в центре) и его друг, будущий советский главком И.И. Вацетис (опирается на палку). 1916 г. Latvijas Kara muzejs — Латвийский военный музей, Рига

жа Озолса Вацетис не упомянул. По оценке Вацетиса, Озолс «отличался личной храбростью и толковостью»¹⁷.

Высоко ценил Вацетиса и Озолс. Спустя годы, в период своего рижского ареста 1934–1935 гг., Озолс записал в дневнике:

«Полковник Вацетис — одна из оригинальнейших и выдающихся личностей среди наших стрелков. Настоящий вождь земгалов, может быть, даже Кунигаикшитис (вождь литовских племен в древности). Его военные и политические мечты и проблемы, безусловно, простирались далеко. Он мог бы быть блестящим королем Латвии и вождем ее не менее блестящих военных полков. Но ясно также, что Латвия для него была бы слишком мала... Он глубоко понимал жизнь и разбирался в международных делах... Его интересовали не только военные вопросы, не только политика, но и любой социальный вопрос. Он глубоко понимал историю, интересовался искусством, музыкой, религией... Он резко отличался от своих коллег, так называемых генштабистов, тем, что говорил то, что думал, что чувствовал»¹⁸.

Между боями Вацетис и Озолс обсуждали будущее Латвии: «Мы часто

ужинали у меня на квартире и предавались обсуждению политического положения царской России. Мы находили, что царизм себя изжил, но бюрократия тормозит преобразования и что без ответственного министерства дальнейшее ведение войны является безуспешным и закончится общей революцией в России»¹⁹.

По словам Вацетиса, Озолс «имел наготове уже конкретный план. Его план заключался в том, что мы должны в случае, если царизм отдаст Латвию Германии, при помощи латышских частей поднять восстание и постараться привлечь на свою сторону население и русские части»²⁰.

Аттестация за 1916 г. гласила, что Озолс «отлично знает военную историю, интересуется военной литературой и военным делом вообще; благодаря чему всегда в курсе всяких военных вопросов.

Человек он с широким взглядом, недюжинными способностями, быстро схватывает обстановку, не теряет и правильно принимает решения.

Нравственности безукоризненной и отличный товарищ, обладает особым умением благотворно влиять на товарищей и сплачивать их.

Больше любит проводить время на позиции и в поле с войсками, нежели в штабе»²¹.

В ожесточенных «рождественских» боях декабря 1916 г. за Пулеметную горку под Ригой и. д. начальника штаба 2-й Латышской стрелковой бригады

штабс-капитан Озолс под огнем противника произвел несколько рекогносцировок, позволивших составить план атаки германских позиций. Бригада прорвала проволочные заграждения и ворвалась в расположение противника. Озолс лично повел в прорыв батальон сибирских стрелков, что спасло латышскую бригаду от окружения.

Автору этой статьи довелось побывать в этом историческом месте, обильно политом кровью русских, латышских и немецких солдат, а ныне ставшем центром военно-исторического туризма. «Рождественские» бои прославили латышских стрелков, поэтому память о тех событиях свято чтится по сей день. События представлены в экспозиции Музея Рождественских боев (Ziemassvētku kauju muzejs), филиале Военного музея Латвии.

За проявленную в тех боях храбрость приказом армии и флоту от 28 августа 1917 г. Озолс был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Представление было осуществлено «за то, что в боях с 23 по 25 декабря 1916 года за овладение Бабитским языком самоотверженно и под действительным огнем противника произвел ряд боевых рекогносцировок, на основании коих был составлен план атаки 25 декабря, закончившийся блестящим успехом. Когда вверенная мне бригада прорвала проволочные заграждения противника и ворвалась в расположение его западнее леса Мангель, штабс-капитан Озол лично об-

Знак ордена Св. Георгия 4-й степени, принадлежавший В. Озолу. Latvijas Kara muzejs — Латвийский военный музей, Рига

рекогносцировал в тылу окопа местность в направлении к югу и, выяснив, что прорыв необходимо прикрыть на юго-востоке, он лично провел в прорыв и поставил на место батальон 10[-го] Сибирского стрелкового полка, что впоследствии, как оказалось, обеспечило бригаду латышей от окружения, так как противник повел ряд атак именно на этот батальон. 25 декабря, когда решено было атаковать расположение противника на фронт Битинь — Лединг, штабс-капитан Озол ночью, на совершенно незнакомой местности, провел лично 53[-й] Сибирский стрелковый полк в узкий прорыв и, пройдя с полком по мало промерзшему болоту около 5 верст под перекрестным огнем противника, поставил этот полк в исходное положение и правильно нацелил его на указанный ему фронт. Впоследствии он провел и 3[-й] латышский Курземский стрелковый полк, который двинут был для прикрытия правого фланга 53[-го] полка. Штабс-капитан Озол проявил мужество, неустрашимость, знание местности и отличную ориентировку, что способствовало успеху всей операции по овладению языком. Командующий 2-й Латышской стрелковой бригадой полковник Аузан»²².

Призрак подполковника

Озол утверждал, что свою службу в русской армии завершил подполковником. Впрочем, позднее, уже в конце 1920-х гг., присвоение ему этого чина вызвало вопросы у властей Латвии и повлекло специальное расследование. Материалы расследования проливают свет и на биографию Озола в 1917 г. и позднее.

Не мог ли склонный к авантюризму офицер приписать себе более высокий чин, на который не имел права? Временно исполняющий должность военного министра Латвии 17 августа 1928 г. писал эстонскому генералу П. Лиллю:

«Служивший [в] 1919 году в рядах армии Эст[он]ии, ныне числящийся в резерве войск Латвии подполковник Генерального штаба Владимир Озол, [в] лично им составленном и собственноручно подписанном послужном списке, оригинал которого хранится в Генеральном штабе Эст[он]ии, вписано, что Ваше Превосходительство утвердит его прохождение службы в русских войсках. Между прочим, в том же послужном списке указано будто бы Озол в 1917 году произведен в подполковники. Озол документальных доказательств о его производстве в подполковники по настоящее время не представил Главному штабу Латвии, который²³ проверяет производство в чины [в] русских войсках начальствующих лиц как состоящих на действительной службе, так и числящихся в резерве войск Латвии. В распоряжении Главного штаба Латвии имеются сведения, что Владимир Озол к февралю месяца 1917 года²⁴ в списках офицеров Генерального штаба русских войск и в приказе главнокомандующего армией Северного фронта от 31-го октября 1917 г. № 848 показан еще в чине капитана. Кроме того, отдел военных сношений управления делами СССР на наш запрос отвечает, что производство в подполковники Владимира Озола не выявлено.

В целях справедливого решения вопроса о производстве в подполковники Владимира Озола прошу Ваше Превосходительство не отказать сообщить все известные Вам сведения в упомянутом деле»²⁵.

Аналогичные запросы направили генералам Й. Лайдонеру и А.К. Захариадзе, служившим в эстонской и польской армиях соответственно. Последний в 1917 г. занимал пост и. д. начальника штаба 2-й Латышской стрелковой бригады и хорошо знал Озола по совместной службе.

Что же установило расследование? Генерал Лилль ответил, что «лично с Вл. Озолем (в то время поручиком) встречался только в бытность мою в русской академии Генерального штаба, коей слушателем был и упомянутый офицер, и затем до начала Освободительной войны, т.е. до конца 1918 года²⁶, о его прохождении службы никаких сведений не имел.

В послужном списке подполк[овника] Озола, лично им составленном при вступлении в ряды нашей армии, внесено производство в чин подполковника в 1917 г. (со старшинством с 1-го августа 1917 г.), но документальных данных относительно этого производства к послужному списку не приложено.

Обстоятельство это объясняется тем, что в начале Освободительной войны офицерские послужные списки большей частью были составлены без документальных данных, которые со временем д[олжны] б[ыли] быть восстановлены, к числу таковых и относился посл[ужной] список подполк[овника] Озола. На полях упомянутого послужного списка, по-видимому, по словам подполк[овника] Озола, имеется заметка, что сведения посл[ужного] списка может засвидетельствовать полковник Лилль, т.е. я.

Однако по вышеупомянутым в начале настоящего письма основаниям, вопрос об утверждении данных послужного списка подполк[овника] Озола остался открытым, а в дальнейшем и совершенно отпал ввиду того, что подполковник Озол оставил службу в эстонской армии как иностранный подданный»²⁷.

Генерал Захариадзе сообщил, что «Генерального штаба капитан Владимир Озол от первых дней Февральской революции уже фактически в штабе почти не работал, т.к. по просьбе национальных и революционных организаций латышского народа работал с ними, а его должность фактически, если не ошибаюсь, исполнял штабс-капитан Шведе.

Представления на его производство в чин подполковника я не делал, т.к. офицеры русского Генерального штаба имели свою линию производства (прик[аз] по в[оенному] в[едомству] 1913 г. № 1), и оно совершалось автоматически, если только офицер имел соответствующую аттестацию; я помню хорошо, что капитан Озол как от меня, так и от командира 2ой бригады генерала Аузана имел аттестацию выдающуюся.

Я не помню приказа о его производстве в подполковники, но должен тут же доложить, что по всем данным капитан Озол в 1917 г. должен был быть произведен в чин подполковника, т.к. кроме обыкновенной линии офицера Генерального штаба (два года в чине штабс-капитана), четыре года в чине капитана и три года в чине подполковника), война давала оф[ицеру] Ген[ерально-го] шт[аба] год за год службы во время

Знак ордена Св. Владимира 4-й ст. с мечами, принадлежавший В. Озолсу.

Latvijas Kara muzejs — Латвийский военный музей, Рига

войны и, кроме того, каждая рана — год старшинства, а, кроме того, кап[итан] Озол имел право за Георгиевский крест потребовать себе один чин штаб или обер-офицерский.

Должен здесь же оговорить, что производство офиц[еров] Ген[ерально-го] штаба вообще задерживалось, т.к. первым делом старались поощрять офицеров строевых в линии. Я сам лично, имея старшинство (с одной раной) в чине полковника с 1915 года, фактически произведен был в полковники уже правительством Закавказья в феврале 1918 года, но со старшинством 1915 г., т.к. все преимущество оф[ицеров] Ген[ерального] штаба в этом старшинстве заключалось, а кап[итан] Озол, кажется, на год или на два моложе меня и по академии, и по первому офицерскому чину.

Еще при мне 28го октября 1917 г. штаб мой перешел в ведение военно-революционного комитета, а в командование бригадой вступил вместо покойного полковника Лелгалва полк[овник] Вацетис. Я же, получив назначение на должность н[ачальника] штаба Грузинской дивизии, а потом корпуса, и, не желая служить с большевиками, выехал к себе на Родину в Грузию»²⁸.

Итак, ответы не проясняли ситуацию. Отметим в качестве доказательства обоснованности слов Озолса, что сохранилась его фотография в погонах подполковника с орденом Св. Георгия 4-й степени, по-видимому, относящаяся к осени 1917 г.

Подтверждение находим в воспоминаниях И.И. Вацетиса: «Не успел я разложить свои вещи как на пороге комнаты появился капитан Озол. Вид у него был сияющий, а наружность элегантного джентльмена. На плечах у него блестяли новые серебряные погоны подполковника Генерального штаба, чин этот он получил за отличие в боях под Иксюлем. За означенные бои Верховным главнокомандующим многие были произведены в следующий [чин], в числе коих был и капитан Озол, тот самый

Озол, который в июне месяце распоряжением того же Керенского был предан следствию за большевицкую политику... Отгадай моя родная... Следовательно, Озол перекинулся на сторону Временного правительства»²⁹.

За годы войны список его наград пополнили ордена Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Анны

3-й степени (за труды по всеобщей мобилизации), Св. Анны 2-й степени с мечами, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Насколько можно судить, орден Св. Владимира стал последней наградой Озолса в старой армии, причем награждение состоялось уже после большевистского переворота — на основании приказа главнокомандующего армиями Северного фронта от 31 октября 1917 г. № 848.³⁰

1917 год стал началом политической деятельности Озолса. О его политических взглядах в то время известно немного. До нас дошло высказывание офицера о том, что Латвия в культурном отношении стоит выше остальной России³¹. Такая фраза позволяет считать Озолса сторонником националистических взглядов. Впрочем, из этих же слов следует, что Латвия им тогда рассматривалась как часть России. Озолс выступал за сотрудничество латышей с русскими, стрелков с офицерами, боролся против введения выборности командного состава.

О безусловных лидерских качествах Озолса говорит его единогласное избрание в революционном 1917 г. латышскими стрелками председателем Исполнительного комитета объединенного Совета депутатов латышских стрелковых полков (Исколастрел). Произошло это на I съезде депутатов латышских стрелковых полков, проходившем 27–29 марта 1917 г. Всего в ис-

Подполковник русской армии Озолс в 1917 г. Впереди непростые времена. Latvijas Kara muzejs — Латвийский военный музей, Рига

В. Озолс (в первом ряду в центре) в первом составе Исколастрела. 1917 г. Latvijas Kara muzejs — Латвийский военный музей, Рига

полком вошли 22 стрелка и шесть офицеров, а в президиум — семь человек³². В мае 1917 г. Озолса избрали председателем II съезда делегатов латышских стрелковых полков³³. В избранном тогда новом составе Исколастрела более половины мест занимали большевики, однако Озолс сохранил за собой пост председателя.

Незадолго до Октябрьской революции Озолс разработал проект формирования Латышского стрелкового корпуса, чем внес свой вклад в создание будущей латвийской армии. В преамбуле проекта он писал:

«В переживаемый момент коренной ломки во всех, не исключая и военной, областях нашей государственной жизни, искания для нее новых путей и, выросшей на этой почве, междуособной борьбы расчленившихся на партии творческих сил страны... мы стоим перед опасною действительностью крайнего расстройтва нашего государственного аппарата, небывалой хозяйственной разрухи и недостаточной боеспособности нашей армии.

Последнее из этих обстоятельств... приходится считать самым грозным... Ясно, что мы должны сделать все, что-

бы победа не стала на стороне реакционной Германии»³⁴.

«Энергия, работоспособность и крайняя во всем активность латышского народа, его свободолюбие и неизменное стремление быть всегда с Россией, полагаю, не подлежат сомнению. Об этом говорит каждая страница истории латышской, равно как и о том, что этот народ никогда не согласится быть под игом Германии»³⁵.

К партийной борьбе в то время он не тяготел, а, наоборот, пытался удерживать стрелков от политических дразг. Но попытки сплотить стрелков и офицеров, оставаясь вне партийной борьбы³⁶, увеличивали число противников Озолса. Сам Озолс отмечал, что в мае 1917 г. остался председателем Исколастрела «по настоянию моих ближайших советников... т.к. боялся, что может создаться анархия, которая окончательно уничтожит полки стрелков и может оказаться пагубной для всего латышского народа... Мне надо было перетерпеть нападки со всех сторон. Вначале это были нападки правого направления, а позже — левого. Что я не шел вместе с большевиками доказывает то, что я отказался от должностей, так как и правые, и левые желали, чтобы я поддерживал их политическое направление. Я видел, что началась анархия»³⁷. В результате Озолс в июле 1917 г. покинул пост председателя Исколастрела.

В калейдоскопе Гражданской войны

Революционный хаос в России совпал с хаосом в биографии нашего героя. 1918 г. для Озолса оказался годом выбора пути, поисков и колебаний. Красные латышские стрелки вместе с Вацетисом стали опорой советской власти. Но Озолс к ним не примкнул. Сам Вацетис писал о начале своего идейного расхождения с Озолсом: «До начала 1917 года мы с Озолсом работали в полном контакте, но после февральской революции он откололся от меня. Наше дело наткнулось на непримиримые противоречия. Я считал, что латышские стрелки должны служить для пролетарской революции, для диктатуры пролетариата... Озол же перекинулся вправо. Сначала сотрудничал в Исколастреле и даже председательствовал там, но под этой маской он фактически поддерживал буржуазное направление»³⁸. Возможно, между двумя латышскими офицерами присутствовало негласное соперничество.

Биография Озолса в 1918 г. — сплошное белое пятно. В советской автобиографии он утверждал, что был тяжело ранен под Ригой и до ноября 1918 г. не мог вернуться в строй (как вариант, находился в госпитале)³⁹. Но это отговорка, за которой скрываются невыясненные подробности жизненных исканий этого честолюбивого человека и боль-

шого авантюриста. И авантюризм не авторское предположение, а свидетельство близкого Озолсу человека — его падчерицы Катерины Эрдмане, с которой автору довелось встретиться в Риге в июне 2016 г.

В 1933 г. Озолс кратко поведал о своих метаниях 1918 г.: сначала перебрался в Москву к матери и сестре, должности у красных не получил и с семьей в феврале-марте 1918 г. уехал в Саратов, где тоже не получил назначения, ждал вестей от брата из Сибири. В июне приехал брат, всей семьей отправились в Сибирь, но по пути попали под арест. Пришлось бежать. Затем Озолс оказался в Перми, где якобы занимался уходом за лошадьми, а позднее через Москву перебрался в Эстонию, чтобы формировать латвийскую армию⁴⁰. Вероятнее всего, Озолс лукавил. Такие, как он, высокообразованные генштабисты в Красной армии были востребованы, и при желании Озолс мог пополнить ряды военспецов. Неясно, зачем ему понадобилось ехать в Эстонию.

Не до конца проясняет его биографию в тот период послужной список офицера, в котором отмечено, что, когда большевики пришли к власти, Озолс «оставил самовольно русскую армию и по 15 декабря 1918 года скрывался в России. 19 декабря 1918 [года] перешел через фронт в пределы Эстонской республики»⁴¹.

Существует и еще одна версия, изложенная его братом на допросах НКВД в 1940 г.: «В 1918 году в Либаве ульманисским⁴² правительством вместе со мною был арестован и передан немцам. В начале января 1919 года немцы нас погрузили на пароход “Бабилон” и повезли в Эстонию... нас там эстонские власти задержали и послали дальше в Ревель, где нас посадили в тюрьму. Пребывая в тюрьме, мой брат латышским правительством был осужден на смерть и засчитан большевиком. Приговор нужно было утвердить главнокомандующим Лайдонером. Последний знал моего брата со времен академии и приговор не утвердил, и нас выпустили из тюрьмы, я выехал в Латвию, а мой брат остался у Лайдонера в Эстонии»⁴³.

По-видимому, сначала Озолс попал в Ригу. На этом базируется смелое предположение, что Озолса направи-

ли в Латвию его друзья — латышские стрелки, занявшие высокие посты в советской военной разведке с задачей организовать партизанское движение против немцев с целью последующей советизации Латвии⁴⁴.

Как бы то ни было, наш герой оказался настоящим рекордсменом по количеству армий, в которых успел послужить: русская, эстонская, латвийская, литовская и даже испанская. Впечатляет и список режимов, узником которых он оказался: латвийский, эстонский, вновь латвийский, испанский республиканский и французский.

Калейдоскоп армий начался в Эстонии. В эстонскую армию Озолс вступил в марте 1919 г. и сражался в ее рядах против красных, служил штаб-офицером для поручений при начальнике 2-й эстонской дивизии. Участвовал и в совместных с латышскими частями операциях. Пришлось воевать против красных под Гоппенгофом и Мариенбургом (ныне — Апе и Алуксне, Латвия) в марте – апреле 1919 г., а также под Павловым и Трюмелево в октябре 1919 г. Воевал Озолс и против русско-германских войск генерала Р. фон дер Гольца в боях под Венденом (Цесисом) и Вольмаром (Валмиерой) в июне 1919 г., а также против полковника П.Р. Бермондта-Авалова на подступах к Риге и под Митавой (Елгавой) в ноябре – декабре 1919 г.

Вот как впоследствии описал свою деятельность в то время сам Озолс (впрочем, реальные мотивы появления офицера в Прибалтике еще не прояснены):

«В декабре 1918 года перешел линию фронта с целью создания народного партизанского движения в оккупированной Латвии, чтобы выдворить немцев из Прибалтики.

В 1919 году — после трагических событий в моей жизни, также при сложных международных и внутривойсковых обстоятельствах в Латвии — фактически принял на себя командование так называемой Северо-латвийской армией, которая со 2 по 24 июня 1919 года под Цесисом сокрушила ландсвер и оккупационный корпус фон дер Гольца.

В критический момент (8–10 октября 1919 года), когда немцы наступали на Ригу, меня под давлением общественного мнения и по желанию армии пригласили стать начальником штаба и оперативного отдела Латышской армии⁴⁵.

3–11 ноября 1919 года под Ригой во второй раз была разгромлена армия генерала фон дер Гольца и добровольческая белогвардейская армия Авалова-Бермондта. Немцы были полностью изгнаны из Прибалтики, и был разрушен план военного похода фон дер Гольца на Москву»⁴⁶.

Затем в начале 1920 г. Озолс по приглашению правительства Литвы поступил на службу в литовскую армию военным советником, где прослужил около года, достигнув поста начальника штаба армии⁴⁷. В рядах литовской

Подполковник В. Озолс в латвийской армии. 1919 г. Latvijas Kara muzejs — Латвийский военный музей, Рига

В. Озолс — подполковник эстонской армии. 1919 г. Latvijas Kara muzejs — Латвийский военный музей, Рига

армии Озол боролся против генерала Л. Желиговского, создавшего маршоне точное по отношению к Польше государство «Срединная Литва» со столицей в Вильно.

В 1922 г. Озол вернулся в Латвию, где вышел в отставку, поселился в своем имении и прибавил на латышский манер к фамилии окончание -с. Работал лектором в Народном университете, преподавал на различных курсах. 26 мая 1922 г. он женился вторым браком на Анне Рюитель. Заслуги Озола в Латвии оценили — еще в 1921 г. он стал кавалером военного ордена Лачплесиса 3-й степени⁴⁸.

Враг латвийского государства, испанский доброволец

Вкус к общественно-политической деятельности Озол не утратил. В Латвии он пытался организовать политическое движение латышских стрелков. Долгое время состоял в социал-демократической партии. Позднее покинул ее ряды и в 1925 г. вместе со своим товарищем, видным экономистом профессором К. Балодисом, основал «Рабочий союз Латвии» (в руководстве состоял и знаменитый латышский поэт Я. Райнис). Руководил газетой «Новый день», в которой, по его словам, «остро разоблачал реакционно-коррупционистскую политику К. Улманиса и позицию Латышской социал-демократии в 1931–1934 годах»⁴⁹. Кроме того, Озол возглавлял и националистическую организацию — союз ветеранов Освободительной борьбы «Легион». Члены этой организации вынашивали планы вооруженного переворота в стране. Проводились тайные собрания, велась агитация, в том числе в военных кругах⁵⁰. Озол был убежден, что его популярность в латышском народе постоянно растет. В этой связи у него появились политические амбиции. Однако он переоценил свою значимость и оказался в плену иллюзий, а попытка прийти к власти вылилась в очередную авантюру, которую поддержали только несколько сотен активистов.

Впоследствии, уже после Второй мировой войны, Озол вспоминал о своих надеждах 1920-х гг.: «Мы надеемся, что Райнис станет первым президентом латвийского государства! Это кажется более, чем логичным. Также мы ожидали, что приглашенный и зимой 1919 года приехавший профессор Берлинского университета Карлис Балодис

станет первым главой правительства Латвии, ее первым и настоящим президентом кабинета министров и министром финансов. И это тоже нам казалось более, чем логичным. Мы надеялись, что вместе с тем Латвия без промедления возьмется за грандиозное если не по своим масштабам, грандиозное по своей сути новое «строительство здания социализма, научной и справедливой основе. На такой основе, где весь народ был бы как один человек и где каждый был бы равноправным членом одной большой семьи... Профессор К. Балодис выдвинул глубоко продуманную и до основ проверенную программу строительства государства. И латышский народ со своей интеллигентностью, со своим трудолюбием и высокоразвитой честностью именно в общественных делах как бы создан для такой социально-конструктивной работы. Было также ясно, что в этом смысле мы, скорее всего, найдем общий язык, во-первых, со своим большим социалистическим соседом — Советским Союзом»⁵¹. Однако эти надежды не сбылись. Райнис умер в 1929 г., Балодис — в 1931 г.

В мае 1934 г. премьер-министр К. Улманис совершил государственный переворот, распустив парламент и партии, закрыл газеты, установив авторитарный режим. За девять дней до улманисовского переворота Озол как противник Улманиса был арестован и попал в рижскую центральную тюрьму. Арестовали и его брата. Положение семьи

Даже в межвоенной Латвии Озол не расстался с белым крестиком — орденом Св. Георгия. Рига. 1930 г. Latvijas Kara muzejs — Латвийский военный музей, Рига

Озола в то время было крайне тяжелым. В своем тюремном дневнике Озол писал: «Мать была почти что брошена... Старый отец — ну чем он мог там помочь. Могу представить себе, что он сам, несчастный человек, пережил. Он тоже был брошен. Сыновья в тюрьме. Ничего себе, красивая картина — любимая Латвия»⁵². В другом месте Озол писал об отце: «Мой милый отец! Ты слишком чувствителен. Ты не хочешь нам мешать. Ты знаешь, какие у нас сейчас сложились трудные обстоятельства. Тебя не хочет больше обременять и государство — его социальное обеспечение, что же ты шел похлебку есть у Воздушного моста. Отец двух полковников и кавалеров ордена Лачплесиса голодает! Превосходно, превосходно!»⁵³ Отсидев больше года, до 18 июня 1935 г., Озол был выслан из Латвии и лишен гражданства.

Переезд в Литву не дал спокойной жизни. 4 июля 1935 г. начальник политической полиции Латвии направил директору департамента государственной охраны Литвы сообщение: «Честь имею довести до Вашего сведения, что 18 июня с.г. в Литву выехал некий Вольдемар Ансович Озол (родился 17.X.1884 г.), который является вождем т[ак] наз[ываемых] «легионеров». Эта организация в свое время за противогосударственную деятельность была закрыта, но после этого продолжает свою деятельность подпольно. В связи с этим Вольдемар Озол был арестован и до его выезда из Латвии содержался в заключении на основании закона Керенского от 2 августа 1917 года. Озол высказался, что предполагает остаться на жительство в Литве»⁵⁴. Разумеется, литовские власти взяли непрошеного гостя под надзор. В сентябре начальник политической полиции Латвии запрашивал директора департамента государственной охраны Литвы о том, какие результаты дало наблюдение за Озолсом⁵⁵.

Тогда Озол перебрался во Францию. Почему именно туда и кто его ждал в этой стране, остается непроясненным. Письма Озола жене в Ригу беззастенчиво перлюстрировались политической полицией Латвии, а их фотокопии аккуратно подшивались в заведенное на офицера дело. На новом месте он

был рекомендован советскому полпреду другим латвийским политэмигрантом — бывшим министром иностранных дел социал-демократом Ф. Циеленсом как человек, покинувший Латвию «из-за преследования за демократические убеждения»⁵⁶. Вероятно, рекомендация сыграла свою роль. В Париже Озол встретился со своим давним знакомым начальником 3-го отдела Разведупра Красной армии О.А. Стиггой — латышским стрелком, как и Озол, также состоявшим в Исколестреле в 1917 г. Ранее они встречались в конце 1920-х гг.

Людям авантюрного склада тогда нашлось применение: летом 1936 г. началась Гражданская война в Испании, попасть на которую стремились добровольцы со всего мира. Не стал исключением и Озол, который в ноябре 1936 г. отправился сражаться против франкистов и стал генералом Республиканской армии. Кто и когда присвоил Озолу генеральский чин, неясно. В своей советской биографии Озол не без самолюбования писал: «В 1936 году Республиканское правительство Испании пригласило меня в испанскую армию. С тех пор я непрерывно боролся против режимов Франко, Муссолини и Гитлера»⁵⁷.

Но едва ли республиканское правительство вообще знало о существовании такого латышского оппозиционера-эмигранта. Очевидно, в Испании Озол оказался в силу иных причин. Известно, что вместе с О.А. Стиггой он прибыл в Испанию к главному военному советнику республиканского правительства Я.К. Берзину (в Испании Берзин находился как «генерал Гришин» или «генерал Доницетти»), ранее возглавлявшему Разведывательное управление Красной армии. Берзин был старым большевиком и латышом по происхождению. Судя по всему, прежние связи сыграли свою роль в новом повороте судьбы Озола. Можно предположить, что уже тогда развивалось его конфиденциальное сотрудничество с советской военной разведкой, где служило немало латышей. Но пока это только предположение. Впрочем, есть свидетельство, что завербован он был еще в 1926 г.⁵⁸

Озол не был бы самим собой, если бы вновь не оказался под арестом в Испании. На этот раз его арестовала испанская военная контрразведка SIM по подозрению в связях с франкистами. Брат Петер позднее на допросах в НКВД сообщил, что родные в Латвии толком не знали о причинах ареста Вольдемара:

В. Озолс — генерал республиканской Испании. Latvijas Kara muzejs — Латвийский военный музей, Рига

«Циркулировали разные слухи: что начальник латвийской охраны Фридрихсон отсюда спровоцировал посредством агентов в Париже, что агенты Франко его похитили на автомобиле и что немцы его спровоцировали»⁵⁹. Около месяца Озол провел в тюрьме в Валенсии, после чего вышел на свободу. Слова из письма родным «нас буквально «украли», и это чудо, что теперь мы все же на свободе и невредимы»⁶⁰ касались именно тех событий. И это был не последний его арест.

В 1938 г. Озол вернулся во Францию, устроившись сотрудником научно-исследовательского бюро. В январе 1938 г. он написал близким в Латвию о своей жизни в Испании и Франции. Из этого немного грустного и довольно загадочного письма, изобилующего умолчаниями, следует, что в то время Озол занимался аналитической работой и выполнял какие-то задания в Париже, связанные с испанскими событиями. Он понимал, что сделал судьбоносный выбор, а последствия своей деятельности опасался даже предугадать.

«Что касается пережитого за последний год на западе и юге в знойной и бурной Испании, то это кажется целой вечностью. Впечатлений на 20–30 лет! Сразу не все даже анализу под-

дается. Нужно время, чтобы все это более-менее «переварить». Опыт и впечатления колоссальные и неизгладимые. Хочу все это изложить в письменной форме. Но работа эта настолько сложна и ответственна, что пока еще отлагаю ее. Надо, чтобы уложились.

Я ничуть не жалею о случившемся. Все это более, чем логично. А результат — еще впереди. Это была только громадная и исчерпывающая информация, какую не всякому смертному добыть.

Хорошо и то, что мы, надеюсь, временно — стали в стороне от прямого участия в боях. Но мы в центре мира, в его «Главном штабе» — в Париже. Здесь все видно лучше, чем даже там, на месте.

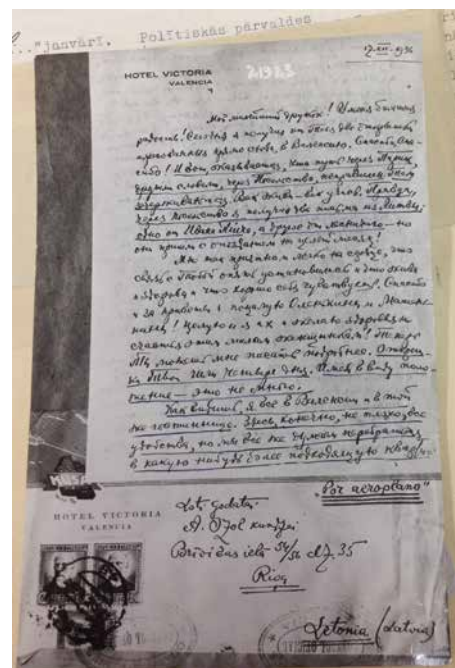
Анечка четко говорит по-испански. Я не имею такой практики, но язык знаю достаточно. Мы довольно исправно получаем испанские газеты всех главных направлений.

Не исключено, что мне еще придется вернуться туда.

Испания теперь мне так же близка и дорога, как Латвия, Литва и Россия. Да и народ мне нравится. Оставили мы там немало друзей.

Ты спросишь: что же с нами и почему так случилось? Я сам пока еще всего не знаю. Но уже ясно, что мое присутствие там очень не понравилось моим старым

Испанское письмо родным, перлюстрированное и переснятое латвийскими спецслужбами. Latvijas Valsts Vēstures arhivs — Государственный исторический архив Латвии, Рига ★

врагам. А борьба сейчас, в этой современной войне, ведется больше в тылу, чем на фронте. Нас буквально “украли” и это чудо, что теперь мы все же на свободе и невредимы. Конечно, это не может так остаться и не останется.

Всему этому, как я уже сказал, должны быть свои последствия. Ты же знаешь, что легионеры не так просто берутся. Честь — прежде всего! Нас провокациями и всякими прочими гадостями и интригами не доконаешь. Мало ли нас судили и по тюрьмам сажали. Но под нашу линию поведения никто до сих пор не мог подкопаться, да и впредь не подкопается. Все эти злодеи, как были принуждены отступить, так и в будущем отступят с позором и поражением перед нами. Наше дело — будущего. Да и судьба у нас своя — особенная.

Не время еще все писать. Вы, мои дорогие, хорошо это поймете и простите, что пишу такими общими фразами. И если это я делаю, т.е. если вообще пишу, то только потому, что Вы оба мне особенно близки и чтобы, видя эти мои каракули, воочию убедились, что я как и мой верный соратник, Анечка, живы и здоровы»⁶¹.

Интересно, что в это время Озолс начал писать близким на русском языке, тогда как обычным языком переписки был латышский.

Судьба резидента

Официальная версия относит начало сотрудничества Озолса с советской военной разведкой к 1940 г. Когда Латвия вошла в состав СССР, Озолс обратился в советское полпредство с заявлением: «Я предлагаю все свои силы и знания на работу для пользы нашей Советской Родины и буду работать там и использовать то, что советские власти найдут нужным»⁶². Советский военный атташе во Франции генерал-майор И.А. Сулопаров (тот самый, что позднее первым, еще без санкции И.В. Сталина, 6 мая 1945 г. подпишет акт капитуляции Германии) счел, что Озолс полезнее во Франции.

Был ли он подготовлен к такой работе в условиях мировой войны? Сложно сказать. Но у него был большой военный и организационный опыт, связи, знание языков. Все это позволило создать свою агентурную сеть, подо-

брать конспиративные квартиры. Именное Озолс в конце 1940 г. создал и возглавил в Париже нелегальную резидентуру советской военной разведки, действовавшую в период немецкой оккупации. Работал под оперативным псевдонимом Золя, возможно, отдавая дань уважения знаменитому французскому писателю. И в Первую мировую, и в 1918–1919 гг., и в 1940-е гг. Озолс боролся с немцами, которых латыши исторически воспринимали как своих врагов.

Подробности его работы до сих пор не рассекречены. Известно лишь, что с началом Великой Отечественной войны связь центра с резидентурой Золя прервалась. К концу 1942 г. гестапо смогло почти полностью ликвидировать советские агентурные сети во Франции, Бельгии и Голландии. Но резидентуру Золя эти провалы не затронули. Секрет успеха состоял в том, что резидентура существовала отдельно от других.

В мае 1943 г. центр, не зная о провале одного из руководителей легендарной «Красной капеллы», советского агента капитана А.М. Гуревича (псевдоним Кент), начавшего работать под немецким контролем, поручил тому восстановить связь с Золя. Из центра прислали данные о способе связи с Озолсом. Разумеется, эти сведения попали в гестапо. Над резидентом Золя нависла смертельная опасность.

Кент вышел на Золя в августе 1943 г. Гуревич, как и Озолс, также был ветераном испанской Гражданской войны, они быстро нашли общий язык. Никаких действий для обеспечения безопасности резидентуры ГРУ не предпринимало, замкнув ее на Кента. К тому времени,

В. Озолс — резидент Золя. Архив Катерины Эрдмане (Рига) ★

когда Кент доложил центру о контакте с Золя, в Москве уже знали, что Кента ранее арестовывали немцы, следовательно, он перевербован. Тот же вывод сделали и в отношении Золя⁶³.

Однако резидентура Золя перевербована не была — связь с ней Кент установил, скрыв, что работает на немцев⁶⁴. Необходимости в перевербовке попросту не было, так как все задания давал сам Кент, которому Золя доверял и энергично взялся за дело. В частности, он рекомендовал Кенту отставного капитана П. Лежандра (Виктор, Старик) — руководителя резидентуры Сопrotивления. В итоге гестапо арестовало ряд участников Сопrotивления. Получалось, что и Золя стал работать на немцев. При этом Кент был вынужден забрать у резидентуры Золя радиопередатчик, с помощью которого можно было связаться с Москвой.

Сам Кент позднее вспоминал: «Хейни Паннвиц⁶⁵ временами проявлял интерес к Золя. Он открыто ставил перед мной вопрос, не может ли этот наш источник содействовать нашему внедрению во французское движение Сопrotивления? Невольно я задумывался, не является ли это попыткой претворения в жизнь советов доктора Ленца⁶⁶. Я все больше убеждался, что именно он хочет помочь семье Озолса. Допустив прекращение “моей связи” с Золя, мы могли допустить и его арест, а следовательно, и арест жены. Что же станет с удочеренной малюткой этой чуткой семьи?»⁶⁷

Послевоенное расследование показало, что Кент старался минимизировать ущерб от своего провала и даже поставил перед немцами условие, что будет участвовать в радиоигре при условии сохранения жизни Золя, Виктора и других⁶⁸. Немцы были заинтересованы в поддержании игры и сами стали снабжать активистов Сопrotивления. В результате развернувшейся двойной игры в центр удалось переправить важные данные о размещении немецких ракет, нацеленных на Великобританию, об устройстве охраны германской военно-морской базы в Шербуре и о ходе операции «Оверлорд»⁶⁹. У Озолса были и другие заслуги перед союзниками. В частности, его люди спасли и спрятали катапультировавшегося американского летчика Мозеса Гатвуда.

Ответную радиоигру начал и советский центр. Летом 1944 г. гестапо арестовало 14 участников Сопrotивления, связанных с советской резидентурой,

в том числе помощника Озолса М. Пьеро. Тогда же, в преддверии освобождения Парижа, Кент убедил гестапо в необходимости сохранить резидентуру Золя для дальнейшей радиосвязи, а самому Озолсу предложил перейти на нелегальное положение, тем самым спас ему жизнь. В воспоминаниях Кента это описано следующим образом: «Вновь проявляя искреннюю заботу о Золя, его жене и удочеренной девочке, Вальдемар [Лениц] предложил мне потребовать, второяю, потребовать от Озолса, чтобы он и все члены его резидентуры, все связанные с ней лица перешли полностью на нелегальное положение, переменяв немедленно свои адреса, которые были указаны в ранее переданном “для меня”, хотя в то время я еще не участвовал в радиоигре с “Центром”, списке. Сразу укажу, что это мое “распоряжение” было всеми выполнено»⁷⁰.

И далее: «Паннвицу к этому времени удалось доказать Берлину, что целесообразно оставить Золя, Лежандра и связанных с ними людей на свободе. Они будут, утверждал он, поддерживать с Кентом радиосвязь, а это позволит немецкому командованию через них получать информацию о положении в тылу отходящей из Франции немецкой армии. Якобы поэтому ему было разрешено их не арестовывать. Эту версию излагал мне сам криминальный советник. Мне казалось, что основной причиной, побудившей Паннвица воздержаться от арестов, в особенности Золя и Лежандра, и их вывоза в Германию являлось то, что

С семьей в Париже.
1943 г. Latvijas Kara muzejs — Латвийский военный музей, Рига

он хотел укрепить себе перед ГРУ алиби, учитывая его стремление перейти на “службу” ГРУ. Естественно, ему должно было казаться, что оставление Золя и Лежандра в Париже с заданием связаться с первыми же представителями нашего командования или дипломатической службы явится подтверждением лояльности его, криминального советника, по отношению к советской разведке.

Выполняя задание Паннвица, я встретился с Золя на его новой конспиративной квартире, адрес которой не был известен гестапо, его от Озолса получил только я. Именно здесь я в последний раз увидел “Балтийского генерала”, его жену и удочеренную девочку, оставшуюся в результате злодеяний немцев без родителей. Наше прощание было весьма трогательным и очень грустным, ведь я уезжал, не зная, что меня ждет впереди, удастся ли, находясь в руках гестапо, сохранить жизнь и до конца быть преданным Родине, о возвращении на которую я уже так долго мечтал»⁷¹.

7 ноября 1944 г. Озолса и Лежандра арестовала французская контрразведка DST по обвинению в сотрудничестве с немцами. Впрочем, при обыске нашлся доклад Озолса, который его полностью реабилитировал. Поспособствовал этому и советский военный представитель полковник Новиков. Выйдя на свободу, Озолс устроился на службу в советское торгпредство в Париже.

Падчерица Озолса К. Эрдмане, с которой автору этих строк довелось беседовать, рассказала множество интересных подробностей военной и послевоенной жизни семьи. Об отчине она говорит с большой теплотой. Многие латыши после войны перебирались в Швецию, но Озолс отказался, считая своей

Родиной Латвию, теперь уже советскую. Сразу после Победы он смог вернуться в СССР — уже 17 мая 1945 г. Озолсы покинули Париж. Как вспоминает падчерица, из Марселя семья прибыла в Одессу на роскошном английском корабле. На советской земле «возвращенцев» ждал резкий контраст фильтрационного лагеря. Кого там только не было. К. Эрдмане вспоминает: «Мы были на огороженной территории, где стояли красноармейцы с винтовками. Жили в палатках». Озолса не арестовали, хотя он давал показания о деятельности Кента (последнего полностью реабилитировали лишь в 1991 г.).

У советского правительства претензий к Озолсу в связи с его разведывательной работой не было. ГРУ считает его одним из своих героев, но подробности остаются засекреченными.

Озолс отказался остаться в Москве. «Я приехал на Родину», — заявил он, собираясь в Латвию, куда приехал 22 июля 1945 г. Как оказалось, приехал умирать. Проработав несколько лет преподавателем военной географии и геодезии, 5 июня 1949 г. после окончания студенческой картографической практики Озолс скончался в Пиебалге. Похоронен он в Риге на кладбище Райниса, в нескольких метрах от могилы этого латышского поэта, своего прежнего соратника.

Жизненный путь Озолса все еще таит в себе немало загадок. Как отмечал один из биографов, «над головой Озолса всегда был подвешен дамоклов меч. Считаю весьма приближенно — он трижды приговорен к смертной казни и раза четыре выдворен из разных стран. В том числе и из Латвии»⁷². Вне всякого сомнения, это был незаурядный

А.М. Гуревич — агент «Кент». a-gurevich.narod.ru

В Пиебалге в последние годы жизни.

Архив Катерины Эрдмане (Рига) ★

человек: высокообразованный, лично храбрый офицер, авантюрист, имевший вкус к политической деятельности и стремившийся быть в центре значимых событий, патриот Латвии и человек левых убеждений, нашедший себя в революционную эпоху. При всей противоречивости его поступков и жизненного выбора ему нельзя отказать в благородстве, а жизненным кредо Озолса, видимо, могут считаться слова, написанные им в 1938 г.: «Честь — прежде всего». □

¹ Так в документе. По всей видимости, речь идет о возвращении отца Озолса с военной службы в целом.

² По новому стилю.

³ Цит. по: *Кемзанс И.* От меча солнце взойшло, или Вспатриваясь в жизнь Волдемара Озолса // *Горизонт (Рига)*. 1989. № 2. С. 31.

⁴ Там же.

⁵ *Latvijas Valsts arhīvs (LVA)* — Государственный архив Латвии. Ф. 1986. Оп. 2. Д. Р-10601-2. Л. 4 об., 8.

⁶ Цит. по: *Кемзанс И.* Указ. соч. С. 31.

⁷ Там же; *Кочик В.Я.* Разведчики и резиденты ГРУ за пределами отчизны. М., 2004. С. 145–146.

⁸ Цит. по: *Кемзанс И.* Указ. соч. С. 31.

⁹ Там же.

¹⁰ *Кочик В.Я.* Указ. соч. С. 146; *Екабсонс Э.* Офицеры-латыши в российской армии. Вторая половина XIX в. – 1907 г. // *Интеллигенция в многонациональной империи: русские, латыши, немцы. XIX – начало XX в. М.*, 2009. С. 118.

¹¹ *Екабсонс Э.* Офицеры-латыши. С. 119.

¹² Подробнее об этом выпуске: *Ганин А.В.* Свои среди чужих, чужие среди своих // *Родина*. 2015. № 8. С. 48–53.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. П/с 164-669 (на 08.01.1911). Л. 220.

¹⁴ Выражаю благодарность заместителю директора Национального архива Армении к.и.н. С.С. Мирзоян (Ереван) за предоставленные сведения.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1286. Л. 2–2об.

¹⁶ LVA. PA-Ф. 45. Оп. 3. Д. 26. Л. 28об.

¹⁷ LVA. PA-Ф. 45. Оп. 3. Д. 18. Л. 115.

¹⁸ Цит. по: *Кемзанс И.* Указ. соч. С. 32.

¹⁹ LVA. PA-Ф. 45. Оп. 3. Д. 26. Л. 28об.

²⁰ Там же. Л. 29.

²¹ Копия аттестации В.А. Озола из собрания Латвийского военного музея.

²² *Кочик В.Я.* Указ. соч. С. 148–149.

²³ В документе — которое.

²⁴ В документе — году.

²⁵ *Latvijas Valsts Vēstures arhīvs (LVVA)* — Государственный исторический архив Латвии. Ф. 5601. Оп. 1. Д. 4697. Л. 19-19об.

²⁶ Эстонская освободительная война, или война за независимость, — боевые действия Вооруженных сил Эстонии против Красной армии в период с ноября 1918 г. по январь 1920 г.

²⁷ LVVA. Ф. 5601. Оп. 1. Д. 4697. Л. 26-26об.

²⁸ Там же. Л. 27–27об.

²⁹ LVA. PA-Ф. 45. Оп. 3. Д. 30. Т. 1. Ч. 3. Л. 181.

³⁰ LVVA. Ф. 5601. Оп. 1. Д. 4697. Л. 17.

³¹ *Ģērmanis U.* Oberst Väciētis und die lettischen Schützen im Weltkrieg und in der Oktoberrevolution. Stockholm, 1974. S. 192. Выражаю глубокую благодарность к.и.н. Л.В. Ланнику (Саратов) за перевод фрагментов этой работы.

³² История латышских стрелков (1915–1920). Рига, 1972. С. 122.

³³ Там же. С. 134.

³⁴ Копия проекта из собрания Латвийского военного музея (оригинал хранится в РГВИА). Ф. 2152. Оп. 1. Д. 309. Л. 62–64об.).

³⁵ Там же.

³⁶ История латышских стрелков (1915–1920). Рига, 1972. С. 134.

³⁷ LVVA. Ф. 3235. Оп. 2. Д. 5169. Л. 235.

³⁸ LVA. PA-Ф. 45. Оп. 3. Д. 26. Л. 30.

³⁹ *Кемзанс И.* Указ. соч. С. 31.

⁴⁰ LVVA. Ф. 3235. Оп. 2. Д. 5169. Л. 233об.–234.

Падчерица Озолса Катерина Эрдмане. Рига, 2016 г. Фото А.В. Ганина

⁴¹ *Rahvusarhiiv* — Национальный архив Эстонии. Ф. 495. Оп. 7. Д. 3800. Л. 1об.

⁴² Карлис Улманис тогда был премьер-министром Латвии.

⁴³ LVA. Ф. 1986. Оп. 2. Д. Р-10601-1. Л. 36–36об.

⁴⁴ *Кочик В.Я.* Указ. соч. С. 151.

⁴⁵ В последней должности с 29 октября 1919 г.

⁴⁶ Цит. по: *Кемзанс И.* Указ. соч. С. 31.

⁴⁷ Центральный государственный архив Литвы. Ф. 930. Оп. 5. Д. 1993. Л. 6-6об.

⁴⁸ *Lāčplēša kara ordena kavalieri. Biogrāfiska vērdnīca.* Rīga, 1995. S. 383–384.

⁴⁹ Цит. по: *Кемзанс И.* Указ. соч. С. 31.

⁵⁰ *Daukšts V.* *Kopveža Voldemāra Ozola kara gaitas un politiskā evolūcija.* Rīga, 2012. S. 113–114.

⁵¹ Цит. по: *Кемзанс И.* Указ. соч. С. 32.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ LVVA. Ф. 3235. Оп. 2. Д. 6192. Л. 91.

⁵⁵ Там же. Л. 108.

⁵⁶ *Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я.* Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012. С. 569.

⁵⁷ Цит. по: *Кемзанс И.* Указ. соч. С. 32.

⁵⁸ *Шуманис Р.Э.* Краткий рассказ об офицере царской армии Волдемаре Озолсе, он же советский разведчик Золя // *Клио*. 2006. № 2 (33). С. 220.

⁵⁹ LVA. Ф. 1986. Оп. 2. Д. Р-10601-1. Л. 104.

⁶⁰ LVVA. Ф. 3235. Оп. 2. Д. 6192. Л. 193в.

⁶¹ Там же. Л. 193а–193д.

⁶² *Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я.* Указ. соч. С. 569.

⁶³ *Полторак С.Н.* Разведчик «Кент». СПб., 2003. С. 399.

⁶⁴ Там же. С. 293, 388.

⁶⁵ Гауптштурмфюрер СС, начальник парижского отделения зондеркоманды РСХА «Красная капелла», борющейся с советской агентурой.

⁶⁶ Дешифровальщик зондеркоманды РСХА «Красная капелла».

⁶⁷ *Гуревич А.М.* Разведка — это не игра. Мемуары советского резидента Кента. СПб., 2007. С. 362.

⁶⁸ *Полторак С.Н.* Разведчик «Кент». СПб., 2003. С. 418.

⁶⁹ Там же. С. 296.

⁷⁰ *Гуревич А.М.* Указ. соч. С. 372.

⁷¹ Там же. С. 384–385.

⁷² *Кемзанс И.* Указ. соч. С. 32.